

ВЕЛИКИЙ французский учёный, о котором пойдёт речь, — одна из самых ярких фигур "классического" периода науки. Классического не только по своим корням, полностью вырастающим в почву причинно-следственных связей нашего бытия, но и по тем плодам, которые деятельность принесла и Франции, и всему человечеству, — в полном соответствии с далеко не чуждой учёному евангельской мудростью: "Не может древо доброе приносить плоды худые, ни древо худое приносить плоды добрые" (Матф.7:18).

Если говорить о "личном древе" Луи Пастера (27 декабря 1822 — 28 сентября 1895), то оно и в национальном, и в мировом общественном мнении вот уже более века считалось и считается исключительно добрым, бесконечно плодоносящим, почти священным деревом. И вряд ли что-то в этом отношении может в ближайшее время измениться, а "добрый Пастер" (Le Bon Pasteur по-французски) звучит точно так же, как словосочетание "добрый пастырь", являющееся одним из именований Бога.

Возможно, перечисление научных открытий Луи Пастера сегодня будет выглядеть уже не настолько впечатляющим, чтобы безусловно поставить его в первый ряд учёных всех времён и народов, но в своей эпохе, несомненно, он был примером и образцом для подражания, ибо его исследования помогали спасать жизни тысячам и улучшать жизнь миллионам людей. Мир, в котором мы все живём, во многом является "миром Пастера".

Это мир, в котором многие болезни — не только человека, а всех живых существ — лечатся и предупреждаются; это мир, в котором питания больше, и оно дольше пригодно к употреблению; это мир, в котором "наука становится непосредственной производительной силой", то есть, знание становится умением. Кажется невероятным, но это действительно так. Пастер практически неизменно добивался успеха в решении тех проблем, за которые он брался.

Можно сказать: не мытьём, так катаньем, проводя десятки, сотни, а порой и тысячи экспериментов, последовательно меняя их условия, пока "на выходе" не получался нужный результат или хотя бы намёк на него, "ухватившись" за который, учёный доводил дело до конца. Для создания эффективной вакцины, то есть культуры ослабленного вируса как средства иммунизации человеческого организма против неизлечимого ранее бешенства, — одного из величайших своих три-

умфов — Пастеру приходилось проводить серии до 90 перезаражений подопытных морских свинок, кроликов, собак... Ни о каких "правах животных" речи тогда вообще не шло, сообщества по защите братьев наших меньших были куда менее популярны и значимы, чем в настоящее время, но их участники всецело угрожали учёному убийством за его "жестокие" эксперименты...

Конечно же, люди, благодаря открытию Пастера спасённые от мучительной смерти (их счёт к настоящему времени уже перевалил за миллион человек), а также их ещё более многочисленные потомки имели на этот счёт прямо противоположное мнение. Во всяком случае, первый из них, девятилетний на момент курса вакцинации Йозеф Майстер (1878–1940), в знак благодарности впоследствии всю жизнь проработал в Институте Пастера...

ВПРОЧЕМ, к моменту триумфа над бешенством Луи Пастер уже давно был научной звездой первой величины. Не только в родной Франции — во всём мире. Прежде всего благодаря своим экспериментам, которые опровергли представления о "самозарождении" жизни, в разных формах бытовавшие со времён Аристотеля, а в середине XIX века ещё сохранявшиеся в академической среде применительно к микроорганизмам. Пастер продемонстрировал принципиальную возможность создания стерильной, то есть свободной от микробов органической питательной среды путём её нагревания до различной температуры.

Основой для этих экспериментов послужили многолетние исследования учёным различных процессов брожения: спиртового, уксусного, молочнокислого и маслянокислого, относительно которых им была доказана их биохимическая, а не чисто химическая, как утверждалось ранее, природа. В итоге французские (а следом — и все прочие) виноделы с сырокурами получили возможность значительно снизить

ТИТАН НАУКИ

К 200-летию Луи Пастера

риски и повысить эффективность своего производства. Чуть позднее, в 1870-е годы, уже после поражения Франции во франко-германской войне 1870–1871 годов, исследования Пастера в сфере пивоварения позволили разрушить немецкую "пивную монополию" и, по оценкам ряда экономистов, в совокупности возместить нанесённую на Францию по итогам этой войны контрибуцию в 5 млрд золотых франков — колоссальную сумму по тем временам, примерно равную нынешним 250 млрд долл.

Собственно, после этой неудачной для Франции войны, при всём своём пацифизме и прогрессизме: "Я абсолютно убеждён, что наука и мир одержат победу над невежеством и войной, что страны в конечном итоге объединятся не для того, чтобы разрушать, а чтобы строить, и что будущее принадлежит тем, кто много сделал для блага человечества", — полного неприятия "бошей" и даже ненависти к ним добрый католик по религиозным и бонапартист по политическим убеждениям Луи Пастер не скрывал. Но здесь важно отметить, что касалось это немцев прежде всего как носителей определённой системы ценностей, проявившейся сначала в милитаризме Второго рейха, а затем и в нацизме Третьего.

"Наука не знает Родины, потому что знания принадлежат всему человечеству", — утверждал Пастер, однако сам он не только хорошо знал и любил свою родину, полностью служил её интересам, причём настолько успешно, что соотечественники "носили его на руках", осылая всевозможными государственными и общественными почестями. Своему пониманию миссии учёного: "Наука — это душа процветания нации и источник всего прогресса", — он следовал неустанно. К числу перечисленных выше достижений Пастера можно добавить ещё и открытые им процессы термической обработки пищевой продукции, по фамилии изобретателя названные пастеризацией (однократный непременный нагрев до температуры ниже 100°С, то есть ниже температуры кипения воды), и спасение такой знаковой отрасли французской индустрии, как производство шёлка, от болезней тутового шелкопряда, а также множество других моментов, вплоть до того, что ещё в молодости Луи Пастер был избран действительным членом французской Академии художеств, разрабатывая и совершенствуя технологии живописи (он и сам был неплохим художником, о чём

свидетельствуют десятки написанных им картин, по большей части — портреты родных и близких).

НО ВСЁ ЖЕ главной отраслью применения открытий Пастера, физика по образованию (знание профессора он получил в 26 лет за открытие поляризации света в растворах L- и D-изомеров винной кислоты), оказалась медицина, где принципы асептики и анти-септики были поставлены на научную основу: выяснилось, что многие болезни человека — точно так же, как процессы гниения и брожения в органических субстратах, — вызываются взаимодействием с различными микроорганизмами, которые, во всём их многообразии, стали предметом самого пристального внимания учёных. Не преувеличивая, можно сказать, что почти все отрасли врачебного знания либо претерпели фундаментальные изменения, либо вообще — как, например, эпидемиология или иммунология — сформировались благодаря исследованиям Пастера.

При этом своими главными достоинствами он называл методичность (упорство) в достижении результатов и отсутствие каких-либо преубеждений относительно того, что ему доведётся наблюдать и изучать. А главное — лежачие в основе этих качеств вдохновение, энтузиазм, который он трактовал как "внутреннего Бога", присутствующего в человеке. "Чем больше я изучаю природу, тем более изумляюсь неподражаемому делу Создателя". "Удивление — первый шаг к открытию". Возможно, эти слова Пастера проливают свет на истоки его многочисленных и взаимосвязанных между собой открытий — как будто, ухватившись за кончик нити, он вытягивал весь невод следствий, полный "рыбы", то есть научных результатов, чаще всего — выдающихся. Учёный также постоянно в разных вариациях повторял мысль Франсиса Бэкона: "Немного науки уводит от Бога, большее количество науки возвращает к Нему".

О том, что он не был "рабом пробирок", говорят, например, такие его прозрения, касающиеся самых таинственных глубин бытия: "Вселенная асимметрична, и я убеждён, что жизнь является прямым результатом асимметрии Вселенной или её косвенных последствий". В этих словах ясно видна опора на ранние, 1845 года, исследования Пастера, посвящённые оптически активным L- и D-изомерам винной кислоты, а также на тот факт, что бактерии питались только D-изомером, оставляя L-изомер нетронутым. ...

К сожалению или к счастью, но развитие научного знания продолжается, и пути такого развития оказались далеки от прямого, линейного прогресса. Если Пастер, работая над вакциной от бешенства, добивался получения ослабленных штаммов вируса высушиванием спинного мозга кроликов, то сумма технологий современной науки уже создаёт возможность буквально "печатать" новые патогенные вирусы методами геной инженерии, на что наглядно указала, например, разгоревшаяся в 2020 году и до сих пор длящаяся пандемия COVID-19. И те западные учёные, которые активно создают и даже патентуют генетически изменённые штаммы вирусов, в том числе опасных для человека, вовсе не руководствуются в своей работе золотым правилом "Не навреди!" Даже наоборот, многие исследования в этом направлении неизбежно оказываются "заточены" как раз на создание и совершенствование биологического оружия... Вспомним в этой связи, например, признание британского принца Филиппа, мужа королевы Елизаветы II и отца нынешнего монарха Соединённого Королевства Карла III: "Я должен признать, что у меня есть искушение попросить переположения в особо смертоносный вирус..." И это не какой-то специфический английский юмор высшей аристократии — это выражение тех же человеконенавистнических настроений, которые пронизывают и концепцию "Беликого сброса" (Great Reset) от главы Давосского форума Клауса Шваба, и программу "инклюзивного капитализма", под которой подписались и Ротшильды с Рокфеллерами, и папа Римский Франциск...

Да, прогресс всегда сопряжён с нравственным выбором. Так, атомная энергия — это не только электростанции, дающие свет и тепло миллионам людей, это ещё и ядерное оружие, способное уничтожить человечество и всю нашу планету в целом. Интернет — не только возможность почти мгновенной коммуникации с любым человеком, но и угроза "электронного концлагеря". И так далее, и тому подобное, практически до бесконечности. Но "чравственный закон внутри нас" не должен исчезать под натиском новых технологических и прочих возможностей. Память о Луи Пастере — один из маленьких, но необходимых элементов этого "чравственного закона". Он говорил: "Когда я подхожу к ребёнку, он внушает мне два чувства: нежность к тому, что он есть, и уважение к тому, кем он может стать". Нельзя никого из детей, настоящих и будущих, нельзя никого из людей лишать такой возможности.

Георгий СУДОВЦЕВ

ДЕРЗКИЙ РУССКИЙ

О выставке Константина Коровина в Центре русского зарубежья

"Живописец Божьей милости, необычайно остроумный, необычайно внимательный, воспитательный рассказчик..."
Александр Бенуа о Константине Коровине

НА ЗНАМИТОМ серовском портрете Константин Коровин предстаёт этаким разудалым купчиной, бонвиваном, любителем широких жестов. Нет, не провинциальным вортилой, что носит поддёвку да кафтан, боится электричества и считает уездный город N — центром Вселенной, а меценатом, знающим Париж, но притом остающимся глубоко русским человеком.

Собственно, Коровин и был таковым — потомок видных предпринимателей (дед — купец первой гильдии, а вот отец объявил себя банкротом); москвич с Таганки, о которой Писемский говорил, что она, то бишь Таганка, "...зашлиба и тут себе копейку и теперь комфортабельнейшим образом разъезжает в вагонах первого класса и поздравляет своих знакомых по телеграфу со всяким вздором"; русский импрессионист и завсегдатий монмартрских кафе; патриот и, увь, эмигрант, вынужденный — по совету самого Луначарского — уехать за границу, чтобы остаться там навсегда.

Константин Коровин — ученик и учитель знаковых мастеров, да не просто знаковых, а великих. Среди его менторов: Поленов, Перов и Саврасов. Его питомцы: Судейкин, Фальк, Сарьян, оба Герасимовых, Иогансон. Друзья: Серов, Нестеров, колпик Бенуа. Последний бережно относился к самолюбию Коровина, хотя редко упускал случай поддеть своих товарищей.

"Когда появились на Передвижных выставках первые картины Коровина, все у нас было ещё так далеко от требований чисто живописных красочных впечатлений, что публика мучительно ломала себе голову, добиваясь разгадать "дикие" намерения художника. Картины Коровина, в которых художник добивался одного только красивого красного пятна, естественно, должны были смутить многих.

Этому способствовала ещё и самая живопись Коровина: дерзко-небрежная, грубая и, как казалось многим, просто неумелая. Мало-помалу, впрочем, стали привыкать к чужаку-художнику, согласились даже, что он не без таланта, но горько скорбели о том, что он занимается такими пустяками. Передвижники так и не допустили его в свой священный конклад", — писал Гурзуф" (1917). Это уже иной Крым и другие розы. Мгновенье меж двумя грозами-революциями. Есть что-то нервное в композиции, но, как сказал Шекспир, "роза пахнет розой", несмотря на социальные сдвиги.

ИТАК, В ДОМЕ русского зарубежья на Таганке (да-да, на той самой!) открылась экспозиция "Константин Коровин и его круг. Москва — Париж". Представлены картины, эскизы декораций и театральных костюмов, книги, периодические издания, фотографии, письма. Коровин — какой он? Обожаел привлекательных женщин, розы, Крым, Францию, театр. По его работам видно, что выплычивая, ярко и отходчив, Михаил Нестеров с удовольствием вспоминал: "Костя — тип художника, неотразимо действующего на воображение, он влюблял в себя направо и налево, никогда не оставляя места для долгой обиды, как бы ни было неожиданно им содеянное. Все его "качества" покрывались его особым, дивным талантом живописца".

Вот его типичный натюрморт "Вино и розы" (1900). Все оттенки красного "говорящий" цвета, вино, фрукты, два наполненных бокала и два перика на тарелочке. Приглашение к свиданию? Здесь же — "Розы. Гурзуф" (1917). Это уже иной Крым и другие розы. Мгновенье меж двумя грозами-революциями. Есть что-то нервное в композиции, но, как сказал Шекспир, "роза пахнет розой", несмотря на социальные сдвиги.

Какой же русский не живописал яблочный Спас, этот благоухающий итог лета? Одноимённая картина (1919) создана уже при Советской власти, когда любой Спас — попросту опасен. Резкие тени, свежий воздух, кислинка — она буквально чувствуется при взгляде на те яблочки. Импрессионизм — это настроение и культ сиюминутности. Уловить дунове-

ние ветра, колыхание дамского платья, путь облака, переменчивость неба. Этот стиль сформировали и сформулировали (за абсентом и созерцанием канкана) французы, а потому Коровин спешил на Монмартр и Монпарнас.

Зарисовки тамошних красот и линий кажутся "аутентичными", словно это писал природный галл, а не москвич-русак с купеческой бородкой. "Парижский бульвар ночью" (1900) — сумбур огней и биение ритма. Ночная жизнь бульваров — движение: артисты, жулики, поэты, кокетки, а ещё музыка, запахи вина и дешёвого, броского парфюма, порок и печаль, которая всегда сопутствует безрассудному веселью.

"Гостиница на берегу моря в Марселе" (1904) — тут уже спокойно и видится нечто вангоговское по колориту и почерку, но "здоровое" по ощущениям. Граница моря и суши. Тёплый свет из окон отеля и бледно-прохладный свет луны. Кстати, о луне и свете, Бенуа заметил: "То, что мерещилось Куинджи, то удалось Коровину".

Дамские портреты — наиважнейший жанр для каждого художника, особенно для женолюба, каковым был Коровин с юных лет и до самой кончины. Михаил Нестеров, снисходительный к слабостям друга, впоследствии напишет: "Костя не мог изменить ни жизни своей, ни характера, оставаясь свободным, доступным всем течениям, всем ветрам Дон-Жуаном". Поэтому любая фемина кисти Коровина представляется богиней и Belle Femme в самом высоком смысле. "Дама в интерьере" (1922), написанная в дачном Охотино — это песнь уходящей природы. Молодая особа с куафурой, какие носили перед Первой мировой войной, в шёлковом длинном наряде. По правую руку от неё — ваза с неизменными розами, флаконы, книги. В те годы все мотры: и Канчальковский, и Кустодиев, и ещё нигде не ухавший денди Соков, и "большевики" Грабарь — хвятились за тихое прошлое, в котором не было ни домов-коммун, ни промпинплана, ни конструктивизма.

Имя Константина Коровина неразрывно связано с театром. На выставке можно увидеть его эскизы декораций и костюмов к операм "Сказка о царе Салтане" (1913) и "Князь Игорь" (1928). Ещё в конце XIX столетия возник неорусский стиль как один из ветвей общеевропейского модерна. Термики да маковки, боярские шапки, наручи и колты, прятки с солжарными символами и праздничные лубки — всё это подвергалось изучению и препарированию. Коровин, как и большинство наших мастеров, откликнулся на появление тренда. Помимо "серьёзных" сценических образов тут представлен забавный экспонат: почтовая открытка "Сказка о Золотом Петушке", написанная уже в годы эмиграции — фантазийная Русь и никогда не существовавшие чудо-кошечки.

Одним из популярнейших балетов XIX–XX веков был и остаётся "Дон-Кихот" Людвиг Минюкса, который, между прочим, дебютировал в качестве балетного композитора именно в России. В 1900 году Александр Горский сделал едва ли не лучшее постановку этого балета. Сценариографию поручили Константину Коровину и ещё одному заядлому театралу — Александру Головину. Рисунки "У таверны" (1900) — один из многочисленных эскизов и, пожалуй, наиболее эффектный — над танцорами висают прозрачные эркеры окон, заполненные жёлто-оранжевым светом. Всё элементарно и изумляюще. Бенуа восторженно подмечал: "С удивительным остроумием, с удивительным пониманием сокращает он средства выражения до минимума и тем самым достигает такой силы, такой определённости, каких не найти, пожалуй, и на Западе".

Тема выставки — художник и его круг; на экспозиционных стендах размещены фотографии Фёдора Шаляпина, товарища и где-то соавтора Константина Коровина, — великий певец чашечной подкашивал художнику варианты для сценических разработок. Вселёные жизнелюбы, они нашли друг в друге не только "искусство" — оба любили кутнуть. Коровин так описывал одну из встреч на Нижегородской ярмарке: "— Пойдёмте, — сказал

я Шаляпину. — Куда? — Да в ресторан, вот открылся". Отлично. Моё место у буфета, — и он засмеялся". Лучшие портреты Шаляпина — коровинские, хотя и Кустодиев, и Серов, и Головин его запечатлевали, но у тех получился Шаляпин-гений, а у Коровина — приятель, собеседник и, будем откровенны, добрый собутыльник.

Любая современная выставка — это показ творца со всеми его контактами и контрастами, вкусами и пристрастиями. За стеклом — образцы почерка: записка, обращённая к Сергею Дягилеву. Крупные, разборчивые, но не особо аккуратные буквы, и это в эпоху, когда детей в гимназиях мучили каллиграфией. Таким и было его художество — размашисто-мощным, ясным и непричесанным. "Всё в нём жило, копошилось, цвело и процветало", — молвил Нестеров.

ТЕМА КОРОВИНА — лишь половина замысла; гостей выставки ждёт встреча с его коллегами и учениками. Друзь Натальи Гончаровой и Михаила Ларионова представлен гончаровским натюрмортом "Ветви" (1940-е гг) и ларионовской "Прогулкой" (1907–1908) с эпатажной композицией, где сюжет как бы "отрезан", перед нами словно неудачная фотография, захватившая только часть лица, фигур, действия. Оча учились у Коровина — Ларионов уверенно постигал "форму", а Гончарова — "цвет".

А вот женский портрет (1906) Роберта Фалька, одного из уникальнейших "стенцов" Коровина. Пока ничего своего — того, что станет узнаваемым Фальком. Дама в сером пальто с рукавами-буфами, которые вышли из моды в середине 1890-х, и в широкополой шляпе, какие носили в 1905–1906 годах — это великолепная иллюстрация того, что нельзя атрибутировать изображения по костюму. Забытое имя — Георгий Лапшин, отличный пейзажист с "Парусниками у берега" (1920). В этой фавбуле чудится гриновский рассказ, морская романтика. Одарённый молодой человек, он произвёл фурор в Париже, где не было недостатка в своих "начинающих гениях". Туда же Лапшин потом и отчалил, чтобы не участвовать в потрясениях. Ему повезёт — он станет одним из востребованных живописцев межвоенной поры. Но память о Лапшине окажется кратковременной — как на оставленной родине, так и в Париже.

Приковывает внимание "Спасская башня" (1942) Петра Вильямса — будущего сценариста и лауреа-

та трёх Сталинских премий, создателя декораций к прокофьевской "Золушке". Вильямс не был в числе коровинских учеников, но входил в его круг; будущий дебютантом. "Спасская башня" — загадочное полотно. В ней очень мало от соцреализма и даже импрессионизма — тут какая-то сновидческая реальность. Дрёма на исходе летней ночи за секунду до пробуждения.

Один из хитов проекта — картина "Вид на Кремль из Замоскворечья" (1918) Сергея Виноградова, не так давно "открытого" Музеем русского импрессионизма. Умировторённость, не свойственная Москве 1918 года, женщина в изумрудно-зелёном платье, ваза цветов — это изящная попытка эскапизма. Его же "Улица в Печорах" (1928) — гимн России провинциальной, традиционной, крестьянской. Деревянный дом — такие часто попадаются в северных областях, мужик, телега; жёлтая осень, свиные небеса, предзимье. Талант Виноградова был скромнее, чем у его друзей, кумиров: Серова и Коровина, — зато он был разносторонним интеллектуалом и сделался арт-консультантом у братьев Морозовых.

Один из выдающихся соцреалистов — Сергей Герасимов — также обучался у Коровина. Градущий автор "Матери партизана" и "Колхозного праздника" здесь показан с неожиданной стороны: как бытописатель долгие-вита. Его "Дама с солёным зонтиком" (начало 1920-х гг.) — это мечта об отдыхе, солнце и возможном счастье. Парадоксально — Коровин воспитал не похожих друг на друга учеников, ни один из коих не стал его прямым последователем. Все отметили, что он применял не свой метод, а науку изобразительности, позволяя студиям находить личную стезю.

Коровин прожил долгую (а если учитывать страсти и напасти — весьма долгую!) жизнь и скончался в сентябре 1939 года. Семьдесят семь лет! Нестеров выразился кратко и лаконично: "Затем Костя в Париже, был и небыллицы сплетает о нём молва и, наконец, смерть на чужбине. Так не стало одного из самых даровитых, увлекательных живописцев недавнего прошлого, не стало Кости Коровина". Как же не стало? Есть и будет. Художник — посланец Вечности.

Галина ИВАНКИНА

Иллюстрация: «Дама в интерьере». Художник Константин Алексеевич Коровин. Охотино, 1921 г.

ГРАД БЕРЁЗОВ

Воевода Траханиотов и его чудо-крепость

ВПРОМЁРШЕМ северном местечке, на берегу Северной Сосвы, притока реки Оби, в 1593 году воевода Никифор Васильевич Траханиотов высаядил триста казаков, триста плотников и основал град Берёзов. Именно в таких людях и заключалась сила российского народа.

Территории нужно было не только завоевывать, но и обживать. И ехали люди "в никуда", осваивали громадные пространства Российской империи. Не обидясь воевода Траханиотов, в выгодном месте поставил свой град, точно угадал, что вся последующая история его будет писана громкой славой. Да и что история — жизни! Не нравился новый град с его крепостью местным народам — ханты и манси нападали на Берёзов, сгорал он, а после снова отстраивался и стоял на перекрёстке синих колючих ветров.

В назидание российской общественности сюда был отправлен в ссылку как государственный преступник один из самых богатых людей России — светлейший князь Александр Меншиков. А спустя полтора столетия после этого грянула в мир картина Сурикова "Меншиков в Берёзове", на которой изображён, как в унылой убогой избе доживает свои последние дни бывший светлейший князь.

Следом за Меншиковым закончили жизнь в Берёзове и другие именитые преступники Российской империи: князь Долгорукий, граф Остерман. И было это предпринятием для всех о неотвратимости наказания за дела земные. Знал бы Траханиотов, как стало востребовано его детище — град Берёзов, на долгие время превратившийся в острог для государственных преступников!

Канули в Лету царские времена. Начались революционные — и вновь в Берёзов поехали сысьные. Усы-пана костями сысьного народа эта земля — уведут в овраг одну партию, расстреляют, присыпят сверху землёй — и следующую ведут. Вот такая жуткая история была в России. В числе других довелось побывать в граде Берёзове знаменитым смутьянам тех времён: Троцкому и Ногину. Обоим удалось сбежать. Один с первого раза ушёл, второго поймали, да убежал со второго раза. Болею судьбы я являюсь пользователем дома, в котором жили эти революционные жатокорники.

И дальше история Берёзова не замедлялась в лавине жизненных событий СССР.

Матвей Путилов вырос в деревне Шайтанка близ города Берёзова. Совершив подвиг под Сталинградом, он стал Героем войны и Волгоградской дивомии. Помните, как он, связист, будучи раненным, зажал в зубах концы проводов, чтобы восстановить связь с окружённым гитлеровцами заводом?

Время летело, и вот в Берёзове забил первый в стране фонтан газа, известив мир об углеводородном величии нашего государства. С этого фонтана началось возрождение страны — первые газопроводы, первая северная нефть...

ПРО ОЮ КАЖЕТСЯ, что так будет бесконечно. Многие спрашивают: "В чём секрет вашего Берёзова?" На это я с улыбочкой отвечаю: "В воеводе Траханиотове! Он — прадедушка и первому фонтану газа. Благодаря этому фонтану пошло развитие района, стали строиться компрессорные станции, а при них подсобные тепличные хозяйства. Будучи учеником четвёртого класса, я впервые в жизни попробовал свежий огурец, который вырос в теплице компрессорной станции "Пунга". Помните первый в СССР газопровод "Пунга — Серов"?

"Хватит ваь историей!" — могут упрекнуть меня читатели в прославлении моего родного посёлка. Ан нет! К истории его примыкаю и я — уже как свидетель, рождённый здесь.

Школа СССР. Я — октябрёнок, после — пионер, внушающий своей бабушке Соне, что Бога нет. До комсомола не дошёл из-за низкой успеваемости по ряду предметов, включая труд и физкультуру. Тогдашний секретарь комсомольской организации Берёзовской средней школы Сергей Собянню мою кандидатуру до вступления в организацию не допустил по вышеназванным причинам. Не перестрашивайте про Собянину. Да, это именно тот Собянню, мэр Москвы. И именно он — выпускник Берёзовской средней школы. Скажу по секрету, в дружбе с ним я не был. Во-первых, жили мы в разных концах посёлка, я — в экспедиции, а он — ближе к гидропорту. Я учился в каменной школе, а он в деревянной. В школе он был дружелюбным, незаисчипым парнем, и ему было не чуждо всё, чем жили мальчишки в те времена: обменивались значками, делали деревянные пистолеты и автоматы; "войнушка" — самая популярная игра тех времён. Лыжи, настольный теннис — собянинский спорт. Подмечу, что "мэром" он был уже в школе, так как с чрезвычайной серьёзностью принимал все порученные общественные дела и с такой же серьёзностью их выполнял. Отдольбить от снежной корки деревянные ступеньки в овраге, покрыть противоположной жидкостью дом, да мало ли что... Поручений в те времена школьники выполняли много.

Да что там Собянню?! Doch моя Полина, увлечённая небом, поступила в Краснокутское лётное училище, закончила его и сегодня летает пилотом в одной авиакомпании страны, как на внутренних авиарейсах, так и на международных, вот вам и Берёзово-чудо! Чудо, которое создал и подарил миру воевода Траханиотов. А как же мы, сегодняшние его потомки, помним тех людей России, по делам которых живём сегодня?

ЯОБРАТИЛСЯ к депутатам Берёзовской районной думы ХМАО Югры: "Просьбу назвать улицу городского поселения Берёзове в честь основателя посёлка, воеводы Траханиотова". В итоге меня приглашают на заседание думской комиссии. Депутаты, судя по репликам, не ознакомились с моим обращением, а когда я выступил, полетели фразы:

— А был ли вообще такой Траханиотов, или вы его придумали?

— Надо сделать запрос в музей, был ли вообще такой. "Ужас!" — подумал я про себя. — Такая идеологическая бескультурашина в рядах представительской власти! Я бы на их месте промолчал, не зная существа вопроса, но показывать себя вот так... Вопрос решила зав. отделом архитектуры, произнесла следующую фразу:

— Лично я, да и никто другой не позволит называть улицу в честь Траханиотова в связи с такой некрасивой фамилией! Мы обсуждали этот вопрос, и одну из улиц назвали просто "Воеводская"!

К сожалению, не пробить стены непонимания представителей местных властей — "Иванов, не помнящих родства".

А вот про героев да сегодняшних. В Берёзовской средней школе нет никакого стенда, посвящённого Сергею Семёновичу Собянину. А разве не поучителен для школьников пример выпускника провинциальной школы, ставшего мэром Москвы? Сергей Семёнович, кроме того, руководил Думой ХМАО Югры, был губернатором Тюменской области.

Мог бы стать почетным и пример моей дочери — пилота гражданской авиации, а также пример Руслана Проводникова, чемпиона мира по профессиональному боксу.

Проблема "Иванов, не помнящих родства", всё больше и больше охватывает наши умы и сердца. И этот путь ведёт не в "российственность", а в никуда. В БМВ, Шанель, в Эмираты, Таиланд, но никак не к своим себе.

Чудо свершил воевода Траханиотов! Град Берёзов поставил! История великая пошла от града! Жители его управляют Москвой, газовые фонтаны Берёзова меняют экономику страны — от дровяной в углеводородную! Девочки-пилоты бороздят небеса мира, боксёры Берёзова громят соперников на рингах! Не перечислить всех достижений града Берёзова, и всё это — благодаря Траханиотову, основателю града этот на живописном берегу Северной Сосвы.

К сожалению, улицы в честь воеводы Траханиотова нет в Берёзове по сей день.

Леонид БАБАНИН